

A romantic couple is shown in profile, kissing in a forest at night. The woman has long dark hair and is wearing a dark, textured sweater. The man has short brown hair and is wearing a dark blue jacket. They are embracing each other. In the background, a large bonfire of logs is burning brightly, casting a warm orange glow. The forest consists of tall, thin trees, and the sky is a deep blue. The overall mood is intimate and romantic.

Оксана Есипова

Наваждение

Оксана Есипова

Наваждение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67121568

SelfPub; 2023

Аннотация

Что, если вы влюбились в того, в кого нельзя и не принято? Общество считает, что вас нужно беречь от этой любви. А вы всем сердцем хотите только одного – найти её снова.

Оксана Есипова

Наваждение

Я увидела его лицо впервые сквозь пламя костра. Дым не давал разглядеть хорошенько, гарцующие блики туманили взор, а отскакивающие от дров горячие искорки создавали ощущение манящей опасности. Он не принимал участия в общем разговоре, но внимательно слушал, временами кивая, дружески улыбаясь, а потом как-то внезапно достал гитару и запел. Я не успела убежать в свою палатку до этого момента и потому бессильно проигрывала тихой рвущей душу мелодии, сильному твердому голосу и романтическим словам, всё сильнее влюбляясь с каждым взятым аккордом, с каждым новым его вздохом, с каждой строчкой, слетающей с губ.

А потом он догнал у меня палатки, и наши губы встретились, узнавая. И мы пропали для этой звездной ночи, для маленького палаточного лагеря, для всего мира, ожидающего от нас тысячи суетных дел. Выпали в параллельную реальность, где имели значения только прикосновения, запахи, нежность, сила, где проигрыш становился победой, а слава победившего падала на колени перед проигравшим. Мы любили друг друга так, словно никогда не делали этого раньше и больше никогда себе не сможем позволить. Все перевернулось, смешалось, закрутилось в нелепый узел, в котором собственные желания стали чужими, где мораль пала, стыд

смешался с восторгом, а упоение стало флагом, который мы небрежно выбросили наружу.

Стоит ли говорить, что когда я проснулась на ворохе разбросанных спальников, его уже не было? Поспешно привела себя в порядок и вылезла из палатки под жаркое солнце июня. Большинство наших уже сидело вокруг костра, завтракая разогретой в котелке вчерашней гречневой кашей. Меня уныло поприветствовали вялым поднятием рук, сил после ночного загула у народа хватило только на это. Я взяла заботливо протянутую мне тарелку, но есть не хотелось. Молча разглядывала неприбранный лагерь, надеясь найти следы моего вчерашнего знакомого, имя которого так и не успела узнать. Пока размышляла, как бы поаккуратнее завести разговор про интересующего меня мужчину, при воспоминании о котором моё тело мгновенно покрывалось мурашками, тема возникла сама собой.

– Кстати, а кто это так хорошо вчера пел? – спросила немного осипшая после вчерашнего Вика, – к кому приходил парень с гитарой?

Через несколько минут оказалось, что парня не знал никто. Вчера все решили, что кто-то встретил знакомого в одной из компаний, расположившихся на пляже неподалеку от нас, и тот вечером прибежал на огонек, захватив с собой, как водится, бутылку коньяка и гитару. Впрочем, особо никого это происшествие не заинтересовало, ну пришел и пришел кто-то, наверно, спьяну компанию перепутал, очень да-

же хорошо вышло, и выпили вместе и песни попели. Никого, кроме меня.

И когда все, наконец-то окончательно проснувшись, с визгом и гиканьем побежали купаться, я решила провести собственное тщательное расследование. Так как не имею способностей Шерлока Холмса и даже миссис Марпл, то не буду утомлять вас подробностями, лишь скажу, что закончилось оно ничем. Волнующий меня незнакомец исчез бесследно. А я не знала даже его имени.

Мы вернулись в город, и жизнь потекла своей чередой. День сменялся днем, а ночь ночью. И каждую ночь я не могла выкинуть из головы то сумасшествие, что произошло с нами на берегу лесной речки перед рассветом. Каждую ночь меня била дрожь, кровь моя вскипала, а воспоминания становились только ярче. Дни же стали томительной подготовкой к безумным ночам, где я заново переживала эту сладкую ярость, продолжавшую манить меня в мир, которому не знала названия.

Я осунулась, похудела на несколько килограмм, моя одежда повисла на мне мешком. На работе не могла сосредоточиться и решила взять несколько отгулов. Мой руководитель, милая и умная женщина, с которой за пять лет нашей работы мы стали добрыми друзьями, внимательно прочитала мое заявление и припёрла меня к стенке.

– Рассказывай, что произошло на самом деле, – мягко, но строго потребовала она.

И я, захлебываясь в слезах и ненужных подробностях, всё рассказала. Она слушала молча, нахмутив брови, и нервно тербила ключи от своей машины, что было ей совершенно не свойственно. Выдержав паузу, начальница по памяти написала мне на бумажке сотовый телефон.

– Позвони. Если она тебе не поможет, то, наверно, не поможет уже никто, – печально заключила она, протягивая мне листок с номером.

Я благодарна кивнула и через десять минут уже выходила из офиса, спешно набирая рекомендованный номер. А ещё через час уже стучала в дверь женщины, которая согласилась срочно меня принять. Выслушав мой сбивчивый сумбурный рассказ, ведунья налила мне стакан воды и предложила погрузить меня в неглубокий транс для восстановления деталей произошедших событий.

– Милая, это был инкуб, – печально произнесла ясновидящая через полчаса, – прости за эту неприятную новость. Я помогу тебе избавиться от этого наваждения, но тебе придётся ходить ко мне неделю на убывающей Луне. Начнём в понедельник.

Но я уже не слушала. Избавиться? Забыть? Я не хотела ничего забывать! Мне хотелось переживать это снова и снова! Ради этого и стоило жить. Вся моя жизнь была только подготовкой к этому ошеломляющему событию.

– Скажите, а я могу встретить его снова? – я постаралась скрыть от ведуньи и свои мысли, и лихорадочный блеск глаз.

– Не бойся, инкубы редко покидают места привычного обитания. Он не будет специально искать тебя. Если случится быть в том месте снова – просто будь осторожнее.

– Спасибо! – я бросила на стол деньги и вылетела из квартиры.

Нужно было успеть так много: уволиться, найти группу, которая собиралась в поход по тем местам, взять напрокат палатку и спальник, купить продукты. Уволиться мне моя мудрая начальница, положим, не дала, но с глубоким вздохом подписала отпуск за свой счет.

Началась моя нескончаемая походная жизнь. Под разными предложениями я примыкала к туристическим группам, чужим компаниям, биологической экспедиции, но всё было напрасно. Никто не выходил незаметно из леса, не присаживался с бутылкой к костру, не терзал сердца невыносимо красивой мелодией. Не подходил неожиданно сзади, обнимая так, что жизнь теряла свой прежний смысл, обретая совершенно новый. Лето подходило к концу, а с ним и моё терпение, и надежда. Мне стало невыносимо находиться у костра, хотя раньше чрезвычайно любила. Сейчас же всё отравляло воспоминание о его складной фигуре, сидевшей напротив меня в ту ночь. Я стала уходить гулять вдоль берега, бормоча слова, которые он шептал мне на ухо, и которые повторяла с того дня каждый день, словно молитву.

И вот однажды, проходя по пляжу недалеко от сидевшей там незнакомой компании, услышала знакомую мело-

дию. Словно завороченная, я подходила всё ближе и уже видела знакомые очертания его пленительной фигуры. Мне казалось, что я ощущаю его запах, хотя на таком расстоянии это было невозможно. Всё во мне замерло в ожидании чуда встречи, пока не увидела девушку с блестящими от страсти глазами. Она сидела у костра напротив него и пожирала его глазами точно также, как в прошлый раз я. Мелодия умира-ла, и вместе с ней останавливалось моё бедное, только что бешено стучащее сердце.

Девушка поднялась легким движением с песка и, плавно переставляя красивые точеные ножки, устремила к своей палатке, а мой старый неверный знакомый – за ней. Несмотря на рвущуюся вокруг меня на части нелепую ткань бытия, я про себя отметила, что гитара, которую он отложил, вставая, словно испарилась, её нигде не было. Одним движением он повернул девушку к себе, приподнял ладонью её подбородок. Ещё минута, и он прижмёт её к себе, они сольются в страстном поцелуе. Но я была быстрее – подбежав, так сильно ударила его по щеке, что он со стоном пошатнулся, а я тут же добавила снова. В детстве папа, так и не дождавшийся рождения сына, водил меня на бокс, а маме говорил, что на танцы, и пока моя мама сумела разобраться, в чём дело, у меня уже был первый юношеский. Так что удар у меня был поставлен профессионально.

Девушка ойкнула и, видимо, посчитав меня законной подругой или женой, быстро юркнула в палатку.

– Ты, – выдохнул он.

– Да! – горестно воскликнула я, собираясь от всей души
врезать ему ещё пару раз.

Но он обезоруживающе улыбнулся и привлек меня к себе. Вселенная послушно раскололась надвое. Все повторилось, как в прошлый раз, мы оказались в чужой палатке, куда до нас метнулась испуганная девушка. Ещё одна странность этого вечера – когда мы залезли в палатку, там никого уже не было.

Я чувствовала его яд на своих губах и твердила про себя, как мантру, что мне нельзя засыпать, нельзя отводить взгляд, нельзя отпускать его ни на минуту. Я обнимала его с одержимостью идущего на смерть, и мои уста были тоже полны яда, название которому – отчаянная решимость. Когда палатка нагрелась настолько, что стало понятно, что на нас неудержимо обрушился день, он в изумлении отпрянул от меня и спросил: «Как ты это сделала?»

Тогда я ещё не знала, что колдовские чары можно разрушить, превратить инкуба в обычного человека, если провести с ним ночь, не заснув под утро. Страстные демоны, целуя жертву, отравляют её ядом. Несмертельным, но достаточным для того, чтобы жертва надолго крепко заснула. Кроме того, инкубы почти досуха выпивают всю энергию незадачливой любовницы. Шансов встретить рассвет с колдовским любовником не было ни у кого.

Кроме меня. Я по-настоящему полюбила ветреного незна-

комца. Облик его так сильно отпечатался в моём сердце, что я могла вспомнить каждую незначительную эмоцию, мелькнувшую на его лице. Выражение глаз, ярость движений, прерывистость дыхания, безрассудные слова. Он не мог выпить мою энергию – я с радостью отдавала её сама, тут же до краёв переполняясь его. Что мог сделать со мной его яд, когда меня переполняла горечь осознания того, что целующий меня инкуб никогда не будет моим? Эту волшебную короткую ночь на ворохе разбросанных спальников – всю, до последней минуты, никто не мог забрать у меня. Потому что это всё, что у нас было. Я знала, утром он уйдёт навсегда, но прежде я посмотрю в его глаза, чтобы запомнить это мгновение навеки.

Он не ушёл. Мы долго лежали в объятиях друг друга, потрясённые, молчаливые и невероятно счастливые. Мой инкуб превратился в человека и остался со мной навсегда. Через полгода я узнала, что у бывших инкубов не бывает детей. Точнее, никогда раньше не было. Ведь я знаю – чтобы получить желаемое, нужно очень захотеть.

– Как мы назовём сына, любимый? – спрошу я скоро. И совсем не важно, какой будет ответ – я с ним соглашусь.